

ПОКА ИГРАЕТ
БАЧАТА

Сбитнева Светлана

Светлана СБИТНЕВА
Пока играет бачата

«Автор»

2019

Сбитнева С.

Пока играет бачата / С. Сбитнева — «Автор», 2019

"Никогда не отчаивайся!" - гласит первое правило того, кто готов бросить вызов условностям этого мира и помчаться на поиски счастья по непростому пути, ведущему к исполнению заветной мечты. София, в один прекрасный день решившая полностью изменить свою жизнь, уходит из школы, в которой она работала преподавателем английского языка, убегает от привычной скучной жизни в поисках счастья, любви и своего призвания туда, где звучит музыка. Сможет ли она преодолеть все сложности, которые возникнут на ее пути? Найдет ли она то, что так отчаянно желает найти? Подтвердит ли своим примером, что иногда игра стоит свеч? Или ее сердце не сможет биться в ритме бачаты...

© Сбитнева С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	6
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	18
ГЛАВА 6	20
ГЛАВА 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Сбитнева

Пока играет бачата

ГЛАВА 1

Угрюмая московская осень наступила в этом году раньше положенного срока, и пусть на сырых от дождей тротуарах еще лежали разноцветные листья, они уже не придавали окружающему пейзажу поэтических красок. Максим поежился от холодного ветра и вжал голову в плечи. Ветер подул еще сильнее, и холодный воздух пробрался к самым ребрам молодого человека. Максим ускорил шаг. До офиса оставалось всего ничего. Можно было бы проехать еще одну остановку на метро, но ему захотелось прогуляться и зайти по дороге в кафе за булочкой с корицей. В последнее время приходиться на работу без этого воодушевляющего ритуала было очень сложно.

Максим снял перчатку с левой руки и поправил упавшую на лицо прядь волос, потер замерзшие нос и щеки. Как же ему не хотелось идти на работу! Опять этот Николай Григорьевич, начальник отдела продаж, будет целый час говорить об одном и том же и, брызгая слюной, доказывать, что все в компании, кроме него, бездари и лентяи. Снова придется молча выслушивать необоснованные упреки, потому что такими пространственными нотациями он, видите ли, пытается сплотить коллектив и повысить продуктивность своего отдела. А потом опять будет долгий нудный день. Максим вздохнул и зашел в кафе. Его любимых булочек не было, и пришлось взять только чай.

Ветер снова подул, и скучные желтые листки зашуршали под ногами. Парк заканчивался через каких-нибудь сто метров, а там свернуть в переулок – и вот он, офис. Снова притворные улыбки, глупые вопросы, жалобы на так быстро промелькнувшие выходные.

Максим достал наушники, и зазвучавшая в них музыка немного подняла ему настроение. Вечером будут две группы и у одной сегодня первое занятие. Может быть, когда-нибудь и его имя будет значиться в расписании школы танцев, где он был пока что вторым преподавателем-ассистентом. Максим почти три года танцевал бачату и вот уже несколько месяцев был практически преподавателем. Танцы спасали его от скуки и нелюбимой работы и, что самое главное, от одиночества.

В наушниках зазвучала его любимая песня, и на фоне радостного возбуждения, которое он испытывал от этой мелодии, предсказуемая неинтересная повседневность казалась еще более угнетающей.

«А что, если правда взять и не идти сегодня на работу?» – мысль так неожиданно возникла в голове, что он от удивления замедлил шаг. Не особенно зрелое решение, конечно, но как-то от этой идеи стало спокойно и хорошо на душе.

«А почему бы и нет? Что мне мешает?»

Максим действительно хотел быть преподавателем. Он долго и осознанно шел к своей цели: учился танцевать, потом стал оставаться и помогать другим более опытным преподавателям, продумывал свою методику. Почему бы не попробовать уже сейчас? Конечно, немного странно, что человек, который пришел в танцы всего несколько лет назад, готов бросить все и в тридцать лет полностью изменить свою жизнь, но когда-то ведь надо начинать быть счастливым. Он готов, он чувствует в себе силы и способности – значит, сейчас самое время.

Впереди показались железные ворота, которые вели из парка в переулок, где располагался офис, а еще одна дорожка сворачивала направо, обратно в парк. Максим остановился у развилки. Один только шаг отделял его от единственно верного решения. Он огляделся по сторонам, улыбнулся и решительно шагнул направо.

ГЛАВА 2

– Господи, ну за что мне все это? Ну почему Ты дал мне такой замороженный мозг? Ну почему я не могу спокойно, как все, бегать на свидания, жить в свое удовольствие, мечтать о детях и пытаться в панике захомутать любого мало-мальски приятного мужика?

София тяжело вздохнула и краем глаза покосилась на белую пластиковую палочку. В центре в маленьком прямоугольном окошечке краснела одна полоска.

– Фуф, неужели пронесло?!

София подпрыгнула на одной ноге и отправила тест в мусорку. Беременность благополучно не подтвердилась. Можно с чистой совестью больше не разговаривать с Антоном, не встречаться, игнорировать его звонки, выкинуть этого человека из мыслей. Ну, было и было. Пронесло, и замечательно. А то пришлось бы терпеть этого истеричку еще несколько лет, или вообще всю жизнь. Софию передернуло от одной только мысли. Слишком дорогая цена за то, что она впервые за три года отважилась заняться личной жизнью. Нет, вариант построения отношений только потому, что надо, явно был не для нее. И пусть ее гордого одиночества не понимают окружающие, пусть коллеги и друзья в один голос отправляют ее налаживать эту самую личную жизнь, на то она и личная, чтобы София сама решала, как и когда ее налаживать.

Настроение заметно улучшилось и сразу появился аппетит, захотелось вредной и калорийной еды. Готовить не было ни малейшего желания, но на холодильнике предусмотрительно висели магниты с телефонами доставки всяких вкусностей – сильные личности имеют право на минутные слабости. Сегодня выбор Софии пал на пиццерию.

София снимала однокомнатную квартиру на окраине Москвы, чтобы не жить с родителями. Правда, родители были поблизости, практически на соседней улице, но самостоятельной жизни это несколько не мешало. За те два с половиной года, что она здесь живет, родители зашли в гости один только раз. Жить отдельно было Сониной мечтой, и эта мечта вдохновляла ее работать и зарабатывать. Она прекрасно понимала, что ей хочется денег только для того, чтобы иметь возможность снимать отдельное жилье.

Квартира была не шедевр. Что называется, «бабушкин вариант». В ванной перегорела лампочка и вместо нее София зажигала, как древний человек, свечи. Душ постоянно вредничал или действительно смеситель не умел делать воду теплой, из-за чего Соня по пять минут, кляня этого монстра, крутила кран, дергаясь то от ледяной, то от чуть ли не кипяченой воды. В кухне по стенам живописно расплзлись разводы – следы недавнего потопа, который устроили соседи, а в единственной комнате пыль, почему-то розовая, толстым слоем лежала на всех поверхностях и пахла каким-то едким химическим освежителем. Но уже через пару недель девушка обжилась и привнесла в окружающую обстановку свой художественный уют: разводы закрыли нарисованные маслом пейзажи и гравюры в декоративных, сделанных Софией, рамках; пыль благополучно исчезла со шкафов, стекла в окнах и старом гарнитуре заблестели чуть ли не новорожденной чистотой, а кран, так портивший ей каждое утро и вечер, она мужественно заменила на новый. Потом купила изящные тарелочки, бамбуковые скатерки, новые занавески, коврик и пару светильников. Все, теперь здесь можно было жить.

И ради этого скромного жилища она двигалась по карьерной лестнице, не спала ночами и сочиняла поурочные планы: она работала преподавателем английского языка в частной школе. Попала в эту школу случайно: когда отношения с первой серьезной любовью зашли в тупик и Сонины молодые силы закончились в борьбе за супружеское счастье, она честно призналась себе, что не хочет замуж за этого хорошего, в принципе, человека, и вернулась от него к родителям. Как-то она шла из магазина домой и рядом с метро увидела вывеску «Школа Иностранных Языков». Зашла, понравилась, осталась работать. И когда искала квартиру, выбирала ту, что поближе к школе.

Первый (и пока что единственный) гражданский муж Софии заслуживает отдельной главы, поэтому в качестве лирического отступления приведем здесь

«Повесть о первом почти муже»

(в целях сохранения конфиденциальности и человеческого инкогнито настоящие имена героев заменены на вымышленные)

– Никит, убери, пожалуйста, вещи с пола. Мне нужно пропылесосить.

– Варь, я занят, давай позже.

– Можно тогда я их постираю?

– Нет! Мне завтра идти в этих штанах, они не высохнут.

Варя не стала спорить. Она медленно сложила тряпку, которой только что вытирала пыль, и устало опустилась на диван. Напротив, у стены, стоял большой компьютерный стол, вся поверхность которого была занята техникой: монитор, принтер, отдельно принтер для фотографий, стопка с плоскими коробками от планшета, айпэда, нового телефона, навигатора, DVD рекордера, GPS-приемника. За всем этим сидящего за столом Никиту было почти не видно, лишь иногда его лохматая голова выглядывала из-за импровизированной стены. Сейчас он с бешеной скоростью что-то печатал, и каждый щелчок клавиш злил Варю больше и больше. Она опять отметила про себя уже хорошо знакомую ей навязчивую мысль о том, что ее семейная жизнь перестала ее удовлетворять. С каждым днем она все отчетливее чувствовала, что ей чего-то не хватает, но чего именно, понять не могла. Может быть, она просто устала и ей нужно уехать отсюда на несколько дней. Может быть, за годы, проведенные с Никитой, в ее душе накопилось слишком много негативных впечатлений от той жизни, которую они вели: порой Никита бывал просто невыносим! Варя изо всех сил старалась смотреть на его поведение сквозь пальцы, потому что он мужчина, а это ведь многое должно оправдывать.... Может быть, Варя просто не спешила стареть душой, и поэтому все еще ждала от их с Никитой отношений некой романтики и влюбленного парения. Конечно, Варя понимала, что чувства со временем притупляются (а они уже пять лет вместе), но ведь на их место должно приходиться что-то еще, что делает жизнь супругов комфортной и приятной, а в их семью пришло слишком мало, и когда страсть улеглась, жизнь помрачнела и стала скучной. А теперь еще эта куча...

Куча поселилась в небольшой двухкомнатной квартирке на ВДНХ с нареченными молодоженами с первого дня их совместной жизни. В первую ночь Никита, раздевшись, любовно уложил снятый костюм на пол, перед их новым вместительным шкафом, достал из сумки футболку и пару носков и пристроил рядом с костюмом. На удивленный Варин взгляд он ответил:

– Эта куча будет лежать здесь. Я так храню свои вещи.

– Но... А, ладно! – Варя не хотела в тот момент спорить или что-то объяснять Никите.

Первое время влюбленная и счастливая Варя не то что мирилась с кучей, а вообще не замечала ее. Если нужно было пропылесосить, куча просто временно переселялась в другой угол комнаты, после чего возвращалась на место. Когда Варя брала из кучи вещи для стирки, она никогда не забывала вернуть их обратно: чистые и отглаженные они теперь лежали на полу не кучей, а аккуратной стопкой.

Однако в последние несколько месяцев в отношениях Вари и Никиты что-то пошло не так: всегда угрюмые и недовольные, они почти не разговаривали друг с другом. А каждое, пусть незначительное, недовольство Никитой растило в Варином сердце ненависть к пресловутой куче, потому что намного проще было свалить вину на что-то одно и конкретное, чем тратить силы и искать настоящий источник этого недовольства.

Варя вскочила с места, зло затопала в ванную, зашвырнула тряпку в раковину.

– Варь, ну что опять! – взревел Никита. – Я же сказал, что занят!

– Хорошо, я тоже сейчас сяду за стол и буду очень занята. Мне нужно статью писать.

– Ну, вот и отлично! А злиться и беситься-то зачем?

– Затем, что мне уже вот где эта уборка! – она провела рукой по подбородку. – Чего ради? Я к тебе в домработницы не нанималась!

– Так и не убирай, мне-то что! – огрызнулся Никита.

– Ну да, ничего, только ты же потом первый начнешь ворчать, что тебе чай не из чего попить и ноги к полу прилипают!

– Не буду, мне все равно!

– Ага, конечно!

Никита раздраженно засопел и снова спрятал голову за коробками. Варя ушла в кухню, села на стул. Через пятнадцать минут она в очередной раз вздохнула, словно что-то для себя решив, и пошла в комнату.

– Никит, – позвала Варя, стоя в дверях. Он отодвинулся от компьютера, снял наушники, посмотрел на нее выжидательно, но уже не зло. – Пойми, меня просто обижает, что последний год из тех пяти, что мы вместе, ты меня как женщину не замечаешь. Ты никак не оказываешь мне знаки внимания, и я чувствую себя чем-то вроде бесплатной уборщицы. Очень тяжело, во-первых, чисто физически каждые три дня наводить капитальный порядок. Я не говорю, что ты один виноват в том, что мусор скапливается. Нет, конечно! Но убираю я. Это, во-вторых, занимает много времени, а у меня помимо семейного очага есть еще и свои дела, да хоть работа. Обиднее всего, что если раньше домашние дела были мне в радость, потому что для меня они были связаны с заботой о любимом человеке и нашем с ним общем комфорте, потому что взамен я получала то, что необходимо для комфорта мне: поддержку и родственное тепло, то теперь я не получаю этой поддержки. Мы очень отделились друг от друга, я больше не уверена в твоей любви, не рассчитываю на тебя, не советуюсь с тобой, мы не проводим время вместе, нигде не бываем, даже спим уже в разных кроватях! Возможно, что это всего лишь такой период, но мне очень тяжело его пережить, и я была бы очень рада, если бы ты иногда оставлял компьютер не только для того, чтобы уставиться в телевизор, а еще для того, чтобы пообщаться со мной.

Под конец этой тирады к горлу Вари подступил слезный ком. Она хотела добавить что-то еще, но слезы лишили ее голоса.

Никита сидел в своем кресле, уставившись в одну точку. Казалось, он заснул с открытыми глазами или впал в какое-то бездеятельное оцепенение. Варю раздражала, бесила эта его защитная реакция: когда она пыталась поговорить с ним об их отношениях, как-то наладить их совместную жизнь, попросить о чем-то нематериальном (выслушать, посочувствовать, поговорить о них), он утыкался в одну точку и сидел так довольно долго, пока Варю не надоест его оцепенение и она либо не признает свою вину в ссоре (и неважно, кто виноват на самом деле), либо не скажет, что ситуацию «проехали». В общем, перестанет ждать от него каких-либо действий. Вывести Никиту из этого упрямого ступора было очень нелегко. Почти всегда, прежде чем оставить его в покое, Варя спрашивала (не то чтобы в надежде на продуктивное развитие беседы, скорее просто для того, чтобы его позлить): «И что нам теперь делать?» или «Что ты думаешь об этом?», но ответ был неизменно один: «Не знаю» (наверняка Никита тем самым тоже стремился позлить Варю).

Вот и сейчас реакции на Варины слова не последовало. Никита все также сидел неподвижно, смотрел в пол. Наверное, за то время, что Варя говорила, он пересчитал все трещинки на доступном взгляду куске напольного покрытия, раза три задался вопросом, почему они выбрали именно этот непонятный персиковый оттенок, и придумал себе список дел на завтра. Однако Варя знала, что он слышал все, о чем она ему сейчас говорила. Значит, чтобы добиться от Никиты реакции, ей придется еще несколько раз вернуться к этой теме, еще несколько раз доступно и подробно объяснить, почему она себя так чувствует и что может помочь ей начать чувствовать себя по-другому, объяснить, как он, Никита, может поучаствовать в про-

цессе улучшения их совместной жизни; возможно, ей даже удастся уговорить его тоже быть откровенным. Может, все и наладится.

Вечером все случилось как всегда после ссоры: не было яркого или хотя бы просто очевидного примирения. Ситуацию просто «забыли». Варя обладала таким характером, при котором не могла долго обижаться; Никита был рад, что гроза миновала, и больше к нему не придираются. Внешне все снова было нормально. Варя не знала, что чувствует Никита, однако в ее собственной душе скопилась еще одна капелька черной негативной массы, которая все больше и больше загоразживала собой ее любовь к Никите.

Ночью Варя долго не могла заснуть. Она опять легла не с Никитой в спальне, а в гостиной на диване. Никита храпел задорно и беззаботно, Варя снова почувствовала раздражение. Все-таки обида сложная вещь. Даже если она приглушалась, она не проходила совсем, а всего лишь уходила вглубь, может быть, для того, чтобы однажды снова воспалиться. Часа в три Варя, наконец, заснула. И видела, вопреки всему, очень приятный сон. Проснувшись, она еще долго нежилась в постели, не желая отпускать такие невероятно настоящие образы сновидения. Ей приснился человек, мужчина, незнакомый, но этот незнакомец почему-то казался ей во сне таким родным и знакомым; ей даже представилось на мгновение, там, во сне, что это Никита, просто в другом образе. Мужчина разговаривал с Варей, смеялся, рассказывал ей о своей жизни (Варя смутно помнила подробности, но у нее сложилось впечатление, что он актер). Ей было очень хорошо и спокойно рядом с этим человеком, она чувствовала себя нужной и любимой, красивой и единственной. Он был высок, статен, гладко выбрит, одет в свободную белую рубашку навыпуск и джинсы. От него очень приятно пахло дорогим и со вкусом подобранным парфюмом. Варя долго не могла перестать о нем думать: он был слишком настоящим. Ей казалось, что она до сих пор слышит его спокойный голос, чувствует запах его свежей рубашки. Ей хотелось снова и снова вспоминать отрывки сна, снова испытывать это невероятное счастливое спокойствие.

Вошел Никита, плюхнулся на диван, на котором лежала Варя, включил телевизор. В его руках была тарелка с оладьями. Он брал их руками, отправлял в рот, затем высасывал прямо из упаковки стуженное молоко.

– Будешь? Там еще есть.

Варя вздохнула. В следующую минуту она сидела рядом с Никитой и с аппетитом уплетала похожие на амебу оладушки, а ее неподвижные глаза наблюдали за тем, что происходит на экране.

Через месяц Варя собрала вещи и переехала к родителям.

ГЛАВА 3

Рабочий день, как всегда, закончился ближе к ночи. София устало собрала свои папки, стерла с доски разноцветные каракули, проверила, закрыты ли окна. Проходя мимо зеркала, она невольно остановилась. Из зеркала на нее смотрело удрученное ссутуленное существо. И хотя София была очень привлекательной девушкой, сейчас ее густые каштановые волосы торчали в разные стороны, а бледные щеки при свете электрических ламп казались зеленоватыми. София удивленно округлила глаза и подошла ближе к своему отражению.

– Какой кошмар, – едва слышно проговорила она.

Всю дорогу до дома она задавала себе один и тот же вопрос: когда она стала такой? Скучной, нелепой, серой? Конечно, а чего она ожидала? Она работает по двенадцать часов в день, еще и по доброте душевной соглашается выходить на замены. На улице не бывает, людей особо не видит. Ходит вон, уткнувшись подбородком в грудь. Принцесса, ничего не скажешь!

В переходе в метро она увидела фигуру знакомого попрошайки: жалкого вида дедок с большущей табличкой «Помогите» на груди. По привычке опустила руку в карман, чтобы выгрести оттуда мелочь, но тут заметила, что дедок увлеченно играет в какую-то бродилку на телефоне. «Что за наплевательское отношение к работе?» – возмутилась Соня и сунула руку с мелочью обратно в карман.

София вернулась с работы в свою пустую квартиру и первое, что сделала, это включила телевизор, чтобы эта пустота не казалась такой пугающей. Звуки, доносившиеся из соседних квартир, только усугубляли гнетущее чувство оторванности от всего остального мира. В темноте, освещенная только голубым мигающим сиянием экрана, София без особого удовольствияковыряла вилкой домашнюю лазанью, которую приготовила в выходные. На кухне зашипел сбежавший из турки кофе, и по квартире разнесся будоражащий аромат. Кофе дымился на столике рядом с диваном, а София задумчиво смотрела прямо перед собой – на стершийся ворс на ковре и темное пятно неизвестного происхождения. И уже не в первый раз она почувствовала, что в ее жизни чего-то отчаянно не хватает. Вся ее повседневная деятельность замыкалась заботами на работе, которые к концу каждого дня оставляли на ее лбу след в виде задумчивой морщинки, и обычными домашними хлопотами, которые не очень ее обременяли: она жила одна и могла себе позволить немного не домыть посуду или недоубрать вещи в шкаф. В свободные дни, которые выдавались нечасто, она либо отсыпалась за прошедшую долгую утомительную неделю, либо выбиралась куда-нибудь с подружками, а иногда просто бродила по городу одна и о чем-нибудь думала. Мысли ее в такие дни напоминали вспышки творческой фантазии: картины и сюжеты, которые ей хотелось воплотить, но постоянно не хватало либо времени, либо навыков, либо таланта, либо всего сразу. Она не раз подумывала пойти в художественную школу, но хоть она и чувствовала себя художником в глубине души, глупый страх перед общественным мнением постоянно ее останавливал. И действительно: как можно делать что-то стоящее, или даже великое, когда кругом столько по-настоящему талантливых мастеров, которые годами и десятилетиями работали над развитием своих талантов. А тут какая-то София, которой в голову просто пришла отличная идея. Пожалуй, в какие-то моменты София бывала тщеславна. Если она что-то создает, она хотела, чтобы это признали и оценили высоко.

Сейчас, глядя на этот ковер, София вдруг поняла, что ей просто необходимы люди – новые знакомства, новые занятия, какое-то новое увлечение, которое бы добавило в ее жизнь новых эмоций. Что это может быть? В идеале, это что-то должно быть связано с физической активностью. Но на йоге не пообщаешься, тренажерный зал и фитнес она терпеть не может, пробежки по вечерам – слишком уединенное занятие. Может, танцы? София прямо почувствовала, как от этой мысли над головой загорелась лампочка. Сейчас наверняка танцуют все и везде. В профессионалы она не рвется, а для удовольствия то, что надо!

Интернет был полон объявлениями от разных школ о наборе новых групп и о донаборе в уже существующие. София выбрала самую центральную, на ее взгляд. Преподавателей было много, но она не собиралась смотреть фотографии и читать отзывы: надо прийти, а на месте уже будет разбираться. Со временем было сложнее, и в итоге Софии подходила одна единственная группа по воскресеньям. Час сальсы и час бачаты. Для Софии что первое, что второе было непонятным набором звуков. В интернете она нашла несколько роликов и сделала несложный вывод: оба танца парные и, что называется, социальные, но сальса дольше и энергичнее, а бачата не такая зажигательная, но смотрится тоже очень ничего себе. София оставила заявку на сайте школы и потянулась за остывшим кофе.

* * *

София вышла из метро и огляделась, в поисках указателей или нумерации на домах. К ней подошел какой-то мужчина, встал напротив и молча на нее смотрел.

– Вы хотите у меня что-то спросить? Или предложить? – сделала София попытку избавиться от его общества.

– Пожалуй, я бы хотел Вам кое-что предложить.

– Тогда предлагайте, пожалуйста, скорее, а то я спешу.

– Как Вы смотрите на то, что мы проведем с Вами незабываемый вечер?

– И чем же он будет таким незабываемым?

– Вы проведете его со мной, – мужчина подбоченился и выставил на всеобщее обозрение свой внушительный пивной живот.

– А вы, похоже, будущий лауреат Нобелевской премии?

– С чего Вы взяли? – удивился мужчина.

– Ну, судя по Вашему животу, Вы уже месяце на восьмом, и совсем скоро заберете полностью заслуженный миллион как первый в мире родивший мужчина.

И не дожидаясь, что ответит ей несостоявшийся ловелас, быстро пошла в сторону нужной улицы.

В воскресенье в два часа София вошла в зал, и высокий мужчина обернулся при ее появлении. Одного мгновения, за которое в ее сознании вспышкой промелькнула мысль «Этот человек сыграет очень важную роль в моей жизни» было достаточно, чтобы она осознала всю глубину и значимость произошедшего. Это было такое странное, не похожее ни на что ощущение, как будто ты вдруг встретил человека, к встрече с которым готовился лет пятнадцать. Ты с ним созванивался, переписывался, любил его и очень по нему скучал. И вот теперь, когда произошла эта долгожданная встреча, растерялся и просто стоишь, смотришь на него и глупо улыбаешься.

– Вы танцевали раньше?

Мягкий обволакивающий баритон Максима (так звали преподавателя) вывел Софию из ее блаженного состояния. Но она нашла в себе силы только на то, чтобы порывисто мотнуть головой.

– Отлично, тогда идите сюда, сегодня как раз повторяем базовые шаги. Поехали, разминаемся, – скомандовал Максим, и все двадцать человек, что находились в зале, ритмично закивали головами под задорные звуки вольгарного реггетона.

На протяжении всего занятия София находилась как во сне. Она сбивалась с ноги, поворачивалась не в ту сторону, но ее взгляд, взгляд счастливого человека, совершенно очаровывал. К тому же она была улыбочива и как ребенок непосредственна. Это странное сочетание яркой, немного агрессивной женственности и детской простоты привлекало, и к концу занятия в группе не было ни одного мужчины, в той или иной степени не покоренного ею. София сполна получила внимание, которого ей так не хватало. Она не была кокеткой, но иногда ей было необходимо покружиться в вихре восхищения, чтобы почувствовать себя уверенной и немного принцессой.

С этого часа танцы стали Сониной страстью. Она записалась сразу в две группы и одну шоу группу. Ей хотелось танцевать бачату каждую свободную минуту. Она была готова тренироваться сутками напролет, и если бы не обидная необходимость работать и еще какими-нибудь способами участвовать в социальной жизни, она бы все бросила и отдалась бачате без остатка. Теперь даже на улице она отсчитывала четверки и восьмерки, иногда останавливалась посреди тротуара и шагала бейсик, совершенно не заботясь о том, что подумают окружающие. В ее жизни появился смысл. И у этого смысла был вполне конкретный ритмичный рисунок и звучное имя Максим.

София стала улыбчивее, оживленнее, волосы больше не торчали в разные стороны неряшливыми рожками, а в глазах появился озорной огонек. Но на все расспросы коллег, что с ней случилось и как его зовут, она отвечала загадочной улыбкой.

Как-то Максим сел рядом с ней и с улыбкой поинтересовался:

– Почему ты не ходишь на вечеринки?

– Какие вечеринки? – Софии показалось, что она пищит.

– В нашей школе проходят по выходным. Посмотри на сайте. – С этими словами он встал, подмигнул ей и пошел в зал.

Дома София первым делом залезла на сайт и узнала, где, когда и во сколько начинаются вечеринки-практики. Школа, действительно, устраивала их каждые выходные.

Первая вечеринка больше была похожа на сон. Музыка было слышно с улицы. София поднялась по лестнице и увидела огромную толпу нарядно одетых людей в огромном зале. Девушки, кто в коротких платьях, кто в открытых топах, кружились и по-змеиному извивались в руках своих партнеров, озаряя пространство вокруг себя лучезарными улыбками. Столько счастливых людей в одном месте София не видела никогда. После угрюмых серых физиономий метро и улицы, видеть эти улыбчивые лица было необычно. София застыла у двери не в силах оторвать взгляд от этого зрелища. То тут, то там свет прожекторов выхватывал из темноты мерцающие стразы, пайетки и блески, которыми в изобилии были украшены туфли танцовщиц, и от блеска и сияния захватывало дух.

Какой-то молодой человек улыбнулся Софии и потянул ее за руку.

– Я только начала ходить на занятия, – пугливо предупредила она, но парень улыбнулся самой широкой улыбкой, на какую только был способен.

К счастью, он не пытался станцевать с Софией что-то из того, что она наблюдала на танцполе: все эти невероятные волны и сложнейшие повороты казались просто нечеловеческими. Когда танец закончился, парень еще раз широко улыбнулся и галантно вернул Софию на прежнее место. Только она устроилась поудобнее у какой-то колонны, как другой молодой человек несмело протянул к ней руку. Оказалось, что социальный танцпол – это здорово! Можно танцевать со всеми и не стесняться того, что ты начинающий. Просто на всякий случай предупредить об этом приглашающих. София ощутила общий настрой – своеобразный транс от свободы и легкую эйфорию от всего происходящего. Кругом улыбались, смеялись, знакомились, кокетничали, делились новостями или горячо о чем-то спорили.

– Привет!

София вздрогнула от неожиданности и обернулась. Это был Максим.

– Хорошо, что пришла. – Он улыбнулся и снова скрылся в толпе, из которой вынырнул несколько секунд назад.

В жизни Софии появилось столько новых эмоций, которые нужно было с кем-то разделить. Но надоедать подружкам рассказами о том, чего они все равно понять не в состоянии, а если и в состоянии, то долго и часто ее слушать им все равно некогда, София начала вести дневник. Но это скучно. Она вспомнила про блог, который пару месяцев назад завела, но так ничего туда и не опубликовала. Она залезла на уже почти забытую страницу, поколдовала над дизайном, добавила побольше жизнерадостных цветов и картинок и задумалась, о чем напи-

сать в начале. Мысли сами собой порхали вокруг Максима, и воображение Софии обращало ее домыслы в готовые картинки. Она вспоминала, как он выглядит в школе, каким она впервые увидела его на вечеринке, как впервые увидела, что он с кем-то танцует. Через час в блоге появилась первая запись.

О Бедном Дьяволе

– Ты – Бедный Дьявол.

– Это что такое еще?

– Ну, психологический тип, если хочешь.

– А. Сама придумала?

– Наверное. Сейчас объясню. Ты представляешь собой такой тип мужчин, который притягивает девушек как магнитом. Ты умеешь выглядеть ласковым и спокойным. Или, скорее, уверенным. И на интуитивном уровне любая девушка воспринимает тебя как идеального для любого вида взаимоотношений.

– А дьявол тут при чем?

– Дьявол обладает невероятным обаянием. Он ближе к человеку, чем Бог, и не кажется недостижимым. Образ Дьявола очень часто романтизируют. Особенно поэты любят.

– Почему он тогда бедный?

– Потому что, грубо говоря, ему до лампочки все эти жаждущие его девушки. Ему неинтересно. Он слишком умен и развит интеллектуально, чтобы его интерес ограничивался только физиологией. Короче, секс ради секса ему неинтересен. Но при этом и эмоционально его эти девушки тоже не вдохновляют: они для него слишком нормальные, обычные, даже, пожалуй, предсказуемые. Он их эмоционально перерос. Ему нужна большая сильная эмоция (можно даже назвать эту эмоцию любовью), родство душ вкупе с физическим влечением. Поэтому он очень одинок. Это самый пугающий вид одиночества, когда ты одинок в толпе.

– Почему же он не включит простой рационализм и не займется выстраиванием отношений с кем-нибудь, кто больше соответствует его критериям и требованиям? Составил бы себе список качеств и отсеивал по нему кандидатов.

– В этом вся сложность: это скучно, не дает ощущения счастья, потому что нет ключевой эмоции. Он наверняка прекрасно умеет строить отношения, особенно если задается такой целью, но ему лень делать это ради процесса.

– Как же он такой сложный получился?

– Пытался смириться с жизнью, принять ее такой, какая она есть, пытался перестать ждать чего-то большего (наверняка после того, как пару раз разочаровался). Но в душе, глубоко-глубоко, осталась тоска по необретенному и ненайденному. Ему хочется счастья, но слишком много всего должно совпасть, чтобы это счастье получилось.

– И вот с таким угрюмым разочарованным ханжой ты меня сейчас сравниваешь?

– Не обижайся. Это же просто психотип. Я угадала? Ну хоть немного?

– Ну хоть немного угадала. Давай дожевывай свой бутерброд и пойдем уже. – И добавил тихо, чтобы она не услышала:

– Счастье мое.

Недели бежали за неделями. София была очень счастлива. Она сияла. Любовь – а это была именно она – совсем ей не мешала жить, не была в тягость. Ей просто было достаточно осознания того, что два раза в неделю на занятиях и один раз на вечеринке она может его видеть, смотреть в эти зеленые глаза, отчаянно розоветь от этих взглядов и потом несколько дней вспоминать, как восторженная школьница, всякую незначительную мелочь. С Софией это случилось впервые, и она очень удивилась новому для нее чувству, но пока что не ждала от него подвоха и просто радовалась этому необъяснимому явлению, которое происходило в ее грудной клетке и голове и делало ее такой счастливой, а ее жизнь такой наполненной. Всегда рассудительная, она не ожидала, что чувства смогут настолько основательно ею завладеть. Тем

более странно, что, будучи творческой натурой, она ждала этого чувства всю свою юность, но то, что она принимала в те годы за первую настоящую любовь, не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило с ее душой сейчас.

Однажды на вечеринке он ее пригласил. Сам. У нее дрожали колени, холодели ладони и сердце трепыхалось как раненый воробей, но после этой ночи счастье ее больше не поддавалось логическому измерению – оно было абсолютным.

Она даже не мечтала об отношениях с ним. Ее не интересовало, есть ли у него девушка. Ей вообще все эти человеческие условности были неинтересны. Ее чувства принадлежали к какому-то другому запредельному миру. Но рано или поздно эта возвышенная любовь должна была спуститься на Землю и показать оборотную сторону своего радужного естества.

Хорошо додумывать идеал, когда он лишь провоцирует твои домыслы и не дает никаких опровергающих его идеальность фактов. София не знала Максима-человека обычного, со своими слабостями и недостатками. В ее сердце он был обладателем только тех качеств, которые покорили ее в первые секунды: добрый ласковый взгляд и немного снисходительная улыбка. Но пару раз им пришлось разговаривать, и София отметила, что он иногда рассуждает как подросток и бывает резок в своих суждениях. Но тут же объяснила это тем, что она ему симпатична, и поэтому он так себя ведет – это всего лишь позерство, и снова стала счастливой, теперь уже от мысли, что между ними что-то может быть.

Постепенно Максим из Сониных мыслей и фантазий обрастал в ее глазах человеческой плотью, и чем больше мелочей, которые обычно могли раздражать ее в любом другом мужчине, она замечала, тем больше она пугалась собственного чувства, которое не только не становилось слабее, а наоборот, казалось, крепло с каждой новой обнаруженной в Максиме человеческой чертой. Дело приобретало серьезный оборот, и София запаниковала.

А Максим ничего не замечал. Он был слишком увлечен отношениями (чисто деловыми и на худой конец дружескими) со своей тогдашней партнершей, потом с еще одной, и еще. Ни с одной из них он не встречался, но от сцен ревности и претензий его отсутствие интереса не спасало.

Партнеры в танце – это почти то же самое, что партнеры в жизни. Танец – это история, и будет ли это история любви или обычная бытовая рутина, решать танцующим. Многие партнеры становятся парой не только на сцене, но и в жизни. Здесь не обходится без эмоций и драм. Есть споры и разногласия, моменты искренней радости и удовлетворенности. И с каждым партнером у тебя разные отношения. Вы можете чувствовать друг друга и дополнять, можете соперничать и сражаться, можете любить друг друга или ненавидеть. Танец – это история, и чтобы ее рассказать, ее нужно прожить.

У Максима были тяжелые полгода. Он чувствовал себя неудачником, ему казалось, что его решение бросить работу и профессию и стать преподавателем и танцором было ошибочным. Как София узнала в последствии, именно так он стал преподавателем танцев: не совсем случайно, но шел он к этому не всю свою сознательную жизнь. С несколькими партнершами у него ничего серьезного не сложилось: готовили номера, тренировались, но ни разу не выступали и, соответственно, не представляли перед миром как пара. Максиму хотелось высот. Он чувствовал, что способен на многое, но ему чего-то не хватало, какой-то искры, вдохновения, чтобы двигаться по этому пути. Это ощущение неудовлетворенности давало о себе знать. Он становился угрюм и искал свободы от удручающих мыслей в вечеринках и выпивке. Алкоголь делал его смелее, а истории, которые он протанцовывал с девушками, откровеннее. Эта суэта заменяла для него реальные отношения. В действительности нужно было прилагать усилия, брать на себя ответственность, что-то делать, думать о том, как тебя воспринимают, а здесь всего этого не нужно. Это всего лишь танец. И в этом танце проживаешь маленькую жизнь. Знакомство. Свидание. Влюбленность. Секс. Финал. Расставание. И никаких сожалений, только легкость, изящество и красота в переплетении двух тел.

Девушки часто видели в этом что-то большее, чем просто танец, и позволяли себе лишние мысли. Некоторые, наоборот, тешились минутным самообманом, беззастенчиво флиртовали и ускользали, удовлетворенные, в объятия своих мужчин и законных супругов.

Максим чувствовал, что застрял. Ему хотелось двигаться дальше, но эти истории лишь на время заглушали ощущение одиночества, и утром он опять чувствовал пустоту. Девушек вокруг него всегда было много. Почти все они были не прочь отношений, притом самых разных: кому-то Максим был нужен на одну ночь, а кому-то, может быть, и на всю жизнь, но все они не вызывали никакой реакции в его сердце.

София ему нравилась, но как-то абстрактно. Он даже не отдавал себе в этом отчета. Они виделись нечасто, почти не разговаривали друг с другом. Но ему нравилось наблюдать, как она без всякой задней мысли флиртует с мужчинами и как те таят от ее взгляда, от этого жизнерадостного огня в карих глазах. Как она не обидно и кокетливо отказывается пить с ними кофе и кататься по ночной Москве. Его удивляла ее беззаботная, немного детская легкость. И иногда, пожалуй, хотелось ее отчитать за эту стрекозину беззаботность. Но она была такая естественная, искренняя, настоящая, что язык не поворачивался, а губы сами расплывались в снисходительной улыбке.

ГЛАВА 4

София начала замечать в своем сердце первые признаки страдания, которое может принести неразделенная любовь. Она часто вздыхала, в ее жестах стала проскальзывать напряженная суетливость, под глазами стали проступать синяки от бессонных ночей и угрюмых мыслей. Каждый приветливый взгляд Максима, обращенный не на нее, отдавался в душе болезненной ревностью. Каждый танец Максима с другой девушкой, который она наблюдала, превращал ее жизнь в невыносимую муку. Во время редких встреч, по коротким репликам Максима она пыталась угадать, как он к ней относится. И то ей казалось, что ее любовь взаимна и она ему нравится, и тогда ее сердце бешено колотилось от счастья, то она придумывала себе за Максима причины, по которым он может ее чуть ли не презирать, и тогда сердце с размаху ударилось о ребра, заставляя Софию морщиться от боли.

Долго выдерживать такое напряжение София не могла. Нужно было срочно что-то сделать и закончить с этой историей. Почему-то она не думала, что между ними что-то может быть, или, скорее, прогоняла от себя эти мысли. Она так испугалась своего чувства, что даже подумать не решалась о том, что оно может стать началом каких-то близких отношений. Скорее она воспринимала это как что-то неправильное, лишнее. Если раньше любовь была для нее источником вдохновения и силы, теперь она превратилась в настоящий яд, который отравлял ее существование и беспощадно ее изматывал. Ей хотелось как можно скорее сбросить со своей души это бремя.

Решение пришло само собой. Она должна рассказать Максиму о своих чувствах. И не так, чтобы он подумал, что она чего-то ждет, а именно по-другому: неправильно, глупо, чтобы после этого признания он не вздумал ее жалеть. София знала свою гордость. Если она ему признается, то будет злиться на себя и тогда уж точно выкинет его из головы. Подумаешь, пропустит пару занятий. А потом вернется в группу. И он сделает вид, что этого не было. Признание должно будет польстить его самолюбию, и вряд ли оно как-то еще отразится на его жизни. А для Софии это будет освобождение. К тому же он не сможет на нее злиться, потому что невозможно злиться на человека, который признался тебе в любви. Ну, по крайней мере, София очень на это надеялась.

Она пару дней придумывала текст сообщения. Даже способ признания она выбрала нелепый. Сама возмущалась сколько раз, когда мужчины рассказывали ей в сообщениях (иногда очень длинных) о своих чувствах, и даже звали замуж (два раза), и вот теперь она сама прибегает к этому дурацкому средству. В результате получилось следующее:

«Привет) Я сейчас тебя, наверное, удивлю, но я больше не буду ходить к тебе на занятия, потому что я в тебя влюбилась. Вот сообщаю тебе об этом из вредности, потому что не буду ходить пару недель, а потом вернусь. И очень надеюсь, что к тому времени ты забудешь об этом сообщении и пустишь меня обратно».

София несколько раз редактировала послание, но, в конце концов, махнула рукой и отправила так. Ведь она это сообщение не для того написала, чтобы намекнуть Максиму, что, если вдруг он бросится к ее ногам с цветами и заверениями во взаимности, она не будет сильно ломаться. А для того, чтобы ее гордая натура взбунтовалась против подобного глупого поведения, разозлилась и поспешила выкинуть Максима из головы.

Вопреки ожиданиям, Максим ответил.

«Вот ужас».

София невольно улыбнулась. Но потом испугалась: если эта попытка окажется провальной и она не сможет разлюбить Максима, у нее больше нет идей, как перестать о нем думать. Придется бросить танцы. Но от этой мысли ей стало еще страшнее. Она удалила всю их пере-

писку из чата и накрылась с головой одеялом. У нее есть две недели, чтобы разлюбить его и жить дальше нормальной жизнью.

Иллюзия Любви

Иногда так случается, что вдруг чувствуешь, что устал. От всего, что тебя окружает, составляет твою жизнь. От того, что каждый следующий день так нелепо похож на предыдущий. От того, что суета повседневности безжалостно подчиняет себе все твои мысли. От того, что жена опять ворчит из-за неплотно закрученного тюбика зубной пасты...И кажется, что тогда совершил большую ошибку, и вместо того, чтобы с боем отстаивать свое право быть свободным, независимым, не таким, как все, вдруг взял и пошел уже проторенной дорожкой.

Семья. Главное, что есть в жизни человека. Источник смысла, причина действия. А началось все с бабочек в животе и волшебной эйфории во всем теле. А теперь какая-то зубная паста встала между вами. И отравляет бабочек...И ты идешь танцевать. Куда-то к другим людям, где есть музыка, способная заглушить твои мысли. Видишь множество красивых девушек, и одна из них улыбается тебе особенно нежно. И как-то так трогательно грустит, если ты танцуешь не с ней. И смотрит на тебя влюбленными глазами. Ты очень благодарен ей за этот взгляд, в котором она позволяет тебе увидеть целую непрожитую жизнь, никем еще не рассказанную историю... Вы танцуете. Ее глаза так близко, что ты можешь заметить, что она как будто слегка косит глазами, когда улыбается. И забавные ямочки на щеках, которые делают ее похожей на маленькую обезьянку. Тебе начинает казаться, что в эту секунду между вами родилось нечто волшебное, почти забытое, чувствуешь, как бешено и нетерпеливо прыгает сердце в ее груди. Но мелодия заканчивается, и ты понимаешь, что это всего лишь иллюзия новой любви. И больше всего на свете тебе сейчас хочется вернуться к той, которая уже твоя, уже очарованная, покоренная, обнять и просто побыть рядом, слушая, как тихо и размеренно бьется любимое, родное сердце.

ГЛАВА 5

«Все, домой хочу», – подумал Максим и пошел вызывать такси. Он был зол – на себя, на свое поражение, на судьей за их предвзятое отношение, на то, что в финале поставили сложную песню, которую он раньше не слышал. Это был четвертый конкурс. И совершенно не устроившее его второе место. Либо быть первым, либо не стоит и участвовать. Кому нужно второе место? Победитель может быть только один, все остальные проигравшие.

– Поздравляю! – то и дело слышалось с разных сторон, и чьи-то мягкие губы целовали его в щеку.

Наконец, Максим оказался на улице. Несколько раз он с наслаждением вдохнул прохладный воздух. Ночной город мигал своими равнодушными огнями, гудел и звенел вдалеке своими звуками. И сейчас Максиму было особенно обидно, что его не замечают (или ему это только казалось?). Конечно, он был неплохим танцором, у него были свои фанаты и фанатки, ценители его деликатной манеры доходчиво и подробно объяснять нюансы и детали движений и взаимодействия в паре, его считали очень талантливым и перспективным танцором, признавали, что он готов к большому танцевальному будущему. Но этого Максиму было недостаточно. Вдалеке, но в обозримом будущем, ему грезились покоренные вершины, всеобщее восхищение и любовь. Ему хотелось громкой славы, как хочется любой молодой творческой душе. Но чтобы тебя признали лучшим из лучших, нужно собрать целый комплект внушительных регалий – дипломы и сертификаты, пластмассовые короны, обернутые золотой фольгой статуэтки. Все это для артиста – как диплом для обычного человека: порой выдаются без видимых заслуг или достижений, но имеют неоспоримый вес, а с конкурсом – как с билетом во время сессии: готовился или не готовился, знаешь музыку и партнершу или нет, спокоен или весь на нервах – от этого зависит результат.

Максим заметил, что его опять потянуло на философию. В последнее время с ним это частенько случалось. Он чувствовал, что философствование отвлекает его от действия, но ничего не мог с собой поделать. Мыслить, фантазировать, теоретизировать, мечтать, визуализировать будущее – как ни назови, смысл от этого изменится не сильно.

Такси остановилось напротив входа и полоснуло фарами по крыльцу и ногам Максима. Он очнулся и сел в машину.

Огни большого города, который никогда не спит и лишь изредка позволяет себе задремать на часок – другой, замелькали с обеих сторон. Столько возможностей, кажется, бери любую и делай с ней, что хочешь. Но где взять моральные силы и выбраться из этой апатии, смириться с очередной неудачей и найти в себе силы двигаться дальше? Он вспомнил недавний разговор с Николь. Она рассказывала, что после фестиваля не будет танцевать со своим прежним партнером. Может быть, стоит попробовать с Николь? Она почти всю жизнь в танцах. С ней мог бы получиться отличный творческий тандем. К тому же, они давно знают друг друга. Романтических отношений между ними не было, но это и к лучшему – личные переживания не всегда полезно смешивать с партнерскими. И почему он раньше об этом не думал? Или думал, но все время что-то останавливало? Если и были какие-то причины, он о них не помнил. Максим сразу повеселел, почувствовал себя не таким уставшим и разочарованным. Когда появляется новая надежда, пусть она и с каждым разом все слабее, но все-таки она есть. Он достал телефон.

* * *

Максим и Николь шли вдоль набережной. Солнце начинало закатываться за горизонт, и с этой стороны закат было отлично видно. Они остановились и пару минут стояли молча. Максим наблюдал за Николь. Ее изящная фигурка четко вырисовывалась в лучах заходящего солнца, классический профиль с высоким лбом и аккуратно покрашенными красной помадой

губами как будто проступали сквозь сумеречную дымку. В этот момент она казалась нежной, невесомой, загадочной. Он подошел ближе, она слегка повернула голову, хорошо отрепетированным жестом провела по его рукаву, улыбнулась. Вот сейчас он должен захотеть ее поцеловать. Николь посмотрела Максиму в глаза, он не отвел взгляд. «Почему еще не поцеловал?» – возмутилась про себя Николь, и уголок ее рта нервно дернулся. Максим смущенно отвел взгляд – что-то его настораживало, но он так и не понял, что именно. Они пошли дальше. Николь внутренне негодовала: она была нетерпелива, и если что-то шло не по ее сценарию, она нервничала и раздражалась. Ну, ничего, будет еще подходящий момент для поцелуя. Теперь, когда они будут столько времени проводить вместе, тренироваться, ходить на вечеринки и танцевать, танцевать, танцевать, она найдет способ его покорить. Взгляды, жесты, кокетливые ужимки – она умела отлично этим пользоваться. Николь хотела Максима. Возможно, как капризный ребенок хочет новую игрушку, которую может сломать и без сожаления оставить пылиться в углу, или как привыкшая добиваться любого мужчину девушка, для которой очередная непродолжительная победа лишь возможность почувствовать себя увереннее. Но это было далеко от того, что движет любящим человеком.

ГЛАВА 6

Танита, как всегда, ждала Максима в холле после его репетиции с Николь. Она взъерошила непослушные короткие волосы и посмотрела в зеркало: не размазались ли стрелки. Потом устроилась на диване и достала книгу Макса Фрая. Обычно Максим проводил остаток дня и вечер с Николь, но в среду она убежала сразу после тренировки, и Танита встречала настороженный взгляд Николь, подставляла щеку для поцелуя и со спокойной совестью выкидывала ее из головы, после чего у них с Максимом появлялась прекрасная возможность провести целый вечер в приятной компании друг друга.

С Максимом Танита дружила уже несколько лет. Как-то так получилось, что они быстро нашли общий язык. Танитой поначалу руководил не чисто дружеский интерес: она отлично понимала, что всерьез увлеклась Максимом. Но ее чувства не пробудили должного отклика в его сердце. Через несколько месяцев их теплых дружеских отношений у них состоялся разговор – один из тех взрослых разговоров, когда человек искренне и основательно говорит о своих чувствах и просит определенности. Они спокойно все обсудили и сошлись на том, что дружба тот вариант, который будет наилучшим решением в данной ситуации. Танита погрузила, но разумно приняла такое положение вещей. Для Максима после разговора ничего не изменилось, потому что Танита умела говорить о своих чувствах так, чтобы даже после откровенного признания они могли остаться друзьями.

Когда Максим и Николь объявили себя танцевальной парой, Танита, которая была знакома с Николь почти столько же, сколько и с Максимом, очень пессимистично смотрела на этот союз, но когда стали заметны первые успехи нового тандема, смирилась. Может быть, не так все и страшно? Люди меняются, а любовь вообще творит чудеса. Мало ли, в самом деле?..

Николь пулей вылетела из зала и чуть не снесла с ног оказавшуюся на ее пути Таниту. Та удивленно посмотрела ей вслед и окликнула:

– Николь, привет!

– А, привет! – бросила Николь и клюнула Таниту в щеку.

Следом показался Максим и на удивленный взгляд Таниты махнул рукой.

Николь быстро переделась и ждала их у лифта.

– Ты не опоздаешь? – миролюбиво поинтересовался у нее Максим. Николь вспыхнула.

– Тебе так хочется от меня избавиться? – она нервно хихикнула, пытаясь выдать свою реплику за безобидную шутку.

Они все вместе дошли до метро, попрощались с Николь, и Максим с Танитой пошли в любимую пиццерию.

– Что там у вас произошло? – спросила Танита.

– Да ничего особенного, – отмахнулся Максим. – Рабочий момент.

– Рабочий момент что-то слишком похож на личный.

По реакции Максима, по тому, как он отвел взгляд и опустил голову, Танита поняла, что между ним и Николь действительно что-то произошло.

– Вы встречаетесь? – спросила она в лоб.

– Нет. Вряд ли, – добавил Максим после секундного раздумья.

– Но между вами что-то было?

Максим промолчал, и Танита поняла, что именно произошло.

– Ого. Ты же не собирался. Ну, встречаться с ней.

– Я и сейчас не собираюсь. Это случайно произошло.

– Она тебя нагло и бесовестно совратила.

– Нет.

– И вы не встречаетесь?

– Нет.

– А тебе не приходило в голову, что Николь думает, что очень даже да?

– Она мне об этом не говорила.

– Она и не скажет. Это как бы подразумевается в таких ситуациях. Никогда раньше не замечал?

Максим нахмурился. Он был убежден, что Николь не воспринимает его как мужчину, с которым у нее могут быть отношения. Она не раз намекала ему на свои чувства, даже говорила, что любит его, но он всегда видел в этом некое позерство или шутку и никогда не относился к ее словам серьезно. А сейчас получается, что Танита права.

– У меня есть новости. Не хотела говорить по телефону. – Танита прервала его хмурые размышления. – Мы с Лешей решили жить вместе.

Максим удивленно приподнял левую бровь. Алексей, парень Таниты, с которым они встречались уже полгода, не очень ему нравился: рассудительный и спокойный, он казался Максиму высокомерным и скучным.

– Ну что ж, молодцы.

– Ты не рад?

– Главное, чтобы ты была рада. Не мне же с ним жить.

Таните показалось, или в его голосе правда прозвучала обида?..

Они быстро доели пиццу, попросили счет и пошли прогуляться по набережной. Они шли, изредка обмениваясь короткими репликами, но каждый был погружен в свои мысли.

– Когда ты переезжаешь? – спросил Максим, когда они прощались.

– Через неделю, – ответила Танита.

ГЛАВА 7

Максим и Николь готовили номер к большому фестивалю, который обычно проходил весной. Конкурс шоу-номеров, в котором участвовали танцоры со всей России, считался большим и важным событием в мире бачаты. Помимо конкурса подготовленных выступлений был еще один, в котором участники танцевали импровизацию, и по результатам этого конкурса выбирали пару, которая будет представлять Россию на международных соревнованиях. Чтобы подготовиться к выступлениям, приходилось тренироваться каждый день. Свое участие в конкурсе импровизаций они еще не подтвердили, но готовиться начали. Каждый год для конкурса выбиралось около тридцати мелодий, и все желающие могли ознакомиться со списком. Обычно песню, под которую будет танцевать пара, на конкурсе определяли жеребьевкой.

С Николь было сложно. Иногда она плохо понимала Максима, часто начинала злиться и психовать, если что-то не выходило с первого раза. Максим терпеливо это все сносил, старался найти способы ее успокоить и объяснить, что именно он от нее хочет. Совместная работа их очень сблизила, и когда первый поцелуй все-таки случился, оба восприняли это как нечто само собой разумеющееся.

– Я готова, – Николь улыбнулась и потянула Максима за руку. – Пойдем уже.

Максим медленно пошел за ней, о чем-то раздумывая. Они вышли на улицу, сели в такси, Максим назвал адрес.

– Круто, что родители уехали, – Николь прижалась к плечу Макса, ласково погладила его по руке. Он привычным жестом обнял ее за плечи. В этом объятии не было той нежности, которой ждала Николь.

«Интересно, ему нравится Танита?» – подумала она, и опять, в который уже раз, ощутила укол ревности где-то в грудной клетке. «Ну и ладно, мне все равно, – решила она через минуту. Зато сегодня ночью он будет со мной. Я буду обнимать его, засну в его объятиях и сделаю так, чтобы он выкинул из головы всех остальных девушек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.